

Каштановый джаз / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Каштановый джаз / рассказ КАШТАНОВЫЙ ДЖАЗ

Мы с сыном встаём в субботу раньше всех. Спит наша квартира, наш дом, наш город. Сын идёт учиться, я провожаю его и жду, пока закончатся уроки.

В будни нас подвозит до школы папа, а по субботам мы любим ходить пешком. Мы выходим из дома, когда нет ещё восьми, и начинаем игру. Мы выбираем музыку. Иногда мы знаем, какая она будет, почти сразу, как проснёмся. Но чаще всего решаем в начале пути, а потом ищем знаки, которые скажут нам, что мы не ошиблись.

Сначала мы идём в тишине и смотрим по сторонам. На улицах никого нет, словно мы одни в городе. Мы иногда ворчим, что приходится вставать так рано, но на самом деле с нетерпением ждём субботнее утро всю неделю. Утро, когда город принадлежит только нам.

Ночной ливень сбил лепестки с черёмуховых цветков, и теперь они лежат маленькими снежными горками в озерцах луж. Понемногу начинает разворачивать свои белые, розовые и фиолетовые кулачки сирень, их цвет пока неяркий, зеленоватый, наливающийся – чтобы однажды утром встретить нас взрывом сочных оттенков. Пахнёт черёмухой и сладкими, ванильными булками, со Звёздного бульвара. Сегодня утром самый лучший ветер – правильный, вкусный.

Мы знаем, что когда повернём за угол следующего дома, увидим Останкинскую башню. Когда небо хмурится, а мы не успеваем найти музыку в дорогу до того, как она появится, чаще всего мы выбираем рок. Он здорово подходит к стальной игле башни, укутанной в облака, скрывающие остриё. Но сегодня солнечно. Мы гадаем, случится ли что-то раньше поворота.

Сын дёргает меня за рукав, я поднимаю голову и замираю вместе с ним перед тремя молодыми каштанами. Они усыпаны роскошными свечами цветов, как многоярусные именинные торты. Свечи

кремово-белые, чуть золотистые в лучах утреннего солнца. Как будто сотни танцовщиц в коротких, усыпанных золотыми блёстками платьях, кружатся на каштановых ветвях, раскачиваются от ароматного, черёмухово-ванильного ветра.

– Джаз, – говорю я, не отрывая взгляда от танцовщиц.

– Подходит, – соглашается сын.

Я быстро выбираю в телефоне несколько мелодий. Мне хочется Summertime, но под эту тягучую, ленивую музыку мы ещё, чего доброго, опоздаем в школу. Послушаю её потом, пока буду ждать сына в кафе. Сейчас нужно что-то лёгкое и газированное, отзывающееся в кончиках пальцев озорными басами контрабасов, вспыхивающее смешливыми созвездиями духовых и тарелок.

Я выбираю Say a little prayer Ареты Франклин и In the mood от Оркестра Гленна Миллера. Дорога подскажет, что ещё добавить в плейлист, думаю я.

Мы делим наушники на двоих и идём дальше. Каштаны скрываются из вида, на сцену выходит Останкинская башня. Она видна сегодня целиком, до самого игольного кончика, и кажется, что он покачивается в пунктирном ритме нашей музыки.

Одно ухо – для джаза, второе – для города, чтобы не пропустить знаки. Чтобы день удался. Мы легко перепрыгиваем через лужицы и потихоньку начинаем танцевать. Мы щёлкаем пальцами в такт, я вижу, что сын иногда закрывает глаза, и крепче сжимаю его ладонь.

Мы не беспокоимся, что кто-то может подумать, что мы странные. В моём городе можно быть странным, если это делает тебя счастливым. В моём городе можно танцевать, как будто никто тебя не видит. Можно петь тихонько, когда проходишь по маленьким дворикам, чтобы не разбудить спящий субботний люд, и громко, во всё горло, когда выходишь на открытую территорию Звёздного бульвара.

Песня почти закончилась, мы вертим по сторонам головами. Где же? На скамеечке пустынного сквера мы видим девушку в розовых спортивных штанах и толстой куртке с капюшоном. Майские москвичи все одеваются, как попало – кто-то ещё немного в зиме, а кто-то уже совсем в лете.

– Долли, иди сюда, – зовёт девушка, и из кустов выпрыгивает

маленькая чёрная собачка.

Долли! Я победно вскидываю кулак: один есть, наконец-то. Нахожу Hello Dolly Армстронга, сын поднимает вверх большой палец, и мы идём дальше, танцуя, как ненормальные – размахивая руками, дрыгая ногами, корча смешные рожи, изображая, как будто поём в микрофон.

Мимо проезжает большой грузовик и сигналит нам два раза: биип, биип, звук в звук с духовыми в наших наушниках. Мы хохочем и машем ему руками вслед: есть второй. Начинается In the mood, мы почти пришли. Нужен ещё один знак, их должно быть три.

Навстречу нам идёт по тротуару старичок в галстук-бабочке, с большой жёлтой собакой на поводке. Он улыбается при виде нас, чуть качает головой, «ну, даут» и приветственно приподнимает шляпу, когда мы проходим мимо. У него совершенно белые волосы с аккуратным пробором.

– Вылитый Синатра, – говорю я сыну. – Засчитываем?

– Покажи? – просит сын.

Я нахожу в телефоне фотографию Фрэнка Синатры, и сын загибает третий палец на свободной руке.

Готово, день будет превосходным. Я включаю New York, New York и мы танцуем до самых школьных ворот, и рядом с ними, пока не кончается песня. «А ведь я счастлива», думаю я. Тёплая мальчишеская ладошка в моей руке, музыка на двоих, пузырьки такого разного джаза в воздухе и внутри нас, солнечные искры в лужицах. Мне так легко, что кажется, оттолкнись ногами от тротуара – взлетишь в самое небо круглым весёлым шариком. И огромная, серьёзная Москва, забросив свои срочные-важные дела, лежит, притихнув, под нашими ногами, слушает нашу музыку и дышит, чуть покачиваясь, с нами в такт. Мне хочется сохранить эти минуты, засушить золотистыми листками между страницами любимой книги, закатать в банку и есть их потом с горячим чаем, долгими зимними вечерами.

Сию на веранде кафе и жду, пока у сына закончатся уроки. Проспект Мира прямо передо мной уже не спит – суетится, несётся куда-то, шумит. Я заказываю большую чашку чая – он синего цвета, как небо, с облачными разводами молочной пены.

Думаю, как пойдёт сегодня моему городу наша утренняя музыка.

Классический джаз – старинным московским особнякам, растянутый, хрипловатый вокал Билли Холидей – Александровскому саду, виртуозный, живущий как будто сам по себе саксофон Чарли Паркера – старым московским дворикам. Свингующий Москва-Сити, регтайм Парка Горького, заново расцветающие, наполненные воздухом и светом блюзы ВДНХ...

Включаю Summertime и слушаю, как он тягучим, медовым вкусом раскрывается внутри меня, до мурашек по коже. Я думаю, что он будет очень к лицу неторопливой, спокойной Москве-реке. Открываю ноутбук и в сотый раз читаю про московские мосты. Если бы мне дали исполнить одно желание про мой город, я бы загадала переделать все мосты. Не те, которые большие – и без того красивые уверенной, солидной красотой, как оперы или симфонии. А те, которые поменьше – чтобы стали у них разные, непохожие лица.

Я думаю, как мне жаль, что среди этих маленьких, почти неотличимых друг от друга мостов совсем нет рвущих душу рок-баллад, разноцветной, заводной попсы, яростного, рычащего шансона. Им вообще очень не хватает музыки. И похожи они не на песни, а на справки об отсутствии задолженности или на выписки из домовых книг. Сухо и по делу.

Я бы велела это немедленно изменить. Перестроить, где можно и где, ммм... целесообразно. Но в основном просто раздала бы их уличным художникам и сумасшедшим дизайнерам. Это ничего бы не стоило городскому бюджету – кому же не захочется иметь в портфолио свой собственный мост, на который можно потом внукам показывать пальцем: вот, мол, смотрите, это я сделал.

И все бы мосты засветились и заулыбались, получив настоящие лица, живые имена и собственные мелодии. А себе бы я оставила переделать один. Невзрачно-белый, тонкий Зверев мост, между Садовнической и Озерковской. И наполнила бы его джазовыми картинками и ритмами – золотистыми пятнами тарелок и тромбонов, тугими изгибами саксофонов и контрабасов, дерзкими блёстками платьев, дрожащими бликами свечей, рояльными чёрно-белыми клавишами вдоль перил.

Мы болтаем с сыном о разном, пока идём домой. Город проснулся и побежал по делам всеми своими людьми, наступая на пятки

гостям столицы, глядя поверх голов прохожих, выше, дальше, в наступающую минуту, в будущее время. Мы с сыном тоже идём быстро, взявшись за руки, разглядывая старые сталинские дома на другом берегу Проспекта Мира. Мы москвичи, у нас никак не получается ходить медленно, вразвалочку, в полудрёме. В нас пульсирует и бьётся постепенно разгоняющийся до обычных своих сверхзвуковых скоростей город, подталкивает в спину, включает зелёные светофоры, щебечет птицами, покрикивает клаксонами автомобилей, позвякивает спицами пролетающих мимо велосипедов, гудит вокзалами, стучит колёсами поездов.

Мы улыбаемся друг другу, сын изображает дробь на невидимых барабанах, я щёлкаю пальцами и пою про город, который никогда не спит. Я влюблена и счастлива. Моя любовь, сын. Моя любовь, Москва.

Встречай меня джазом, город мой! Дуй в водосточные трубы,

Бей в площадей тарелки палочками фонарей,

Тронь переходов клавиши, дёрни проспектов струны...

Импровизируй, город мой!

Город мой, не старей!

Об авторе: СВЕТЛАНА ЗОБНИНА

Живет в Останкино. Работает налоговым консультантом. Автор песен. Представленный текст победил в литературном конкурсе «Московский джаз». Neкауálar